

ВЫПОЛНЯЯ ПРОСЬБУ ЧИТАТЕЛЯ

© 1992 Г., ЭО, № 5

И. С. Гурвич

ЧУВАНЦЫ

«Переписью 1989 г. на Чукотке была выявлена небольшая народность чуванцы. Раньше их переписи не выделяли. Кто же такие чуванцы, какова их историческая судьба?»

(Из письма в Институт этнологии и антропологии АН СССР)

История юкагирских, чукотских и корякских племен в период включения их в состав Российского государства и особенности их этнического развития на протяжении XVIII—XIX вв. представляют несомненный интерес для понимания исторического процесса на Крайнем Северо-Востоке Сибири. К сожалению, этот период слабо освещен в литературе, что и побудило автора настоящей статьи рассмотреть, насколько позволяють источники, некоторые стороны этнического развития одного из предположительно юкагирских племен — чуванцев¹, сыгравших важную роль в жизни Чукотско-Камчатского края.

Первые сведения о чуванцах и близких к ним ходынцах относятся ко второй половине XVII в. Так, известно, что в Анадырском остроге С. И. Дежнев в 1662 г. принял в аманаты (заложники) двух чуванцев и восемь ходынцев², а Курбат Иванов в 1681 г. — девять ходынцев и четырех чуванцев³.

Документы свидетельствуют о том, что чуванцы в XVII в. сочетали домашнее оленеводство с охотой на диких оленей во время их сезонных миграций через рски. Важное значение имело также рыболовство. Обширную сводку данных о традиционном хозяйстве, вооружении и материальной культуре коренного населения Северо-Востока Сибири, в том числе и чуванцев, привела в своей большой работе В. В. Антропова⁴. Анализ данных о сборе ясака позволил Б. О. Долгих определить численность чуванцев для XVII в. В 1682 г. они «платили» эту подать пушниной (преимущественно соболями и лисицами) в Анадырский острог. Здесь значилось 42 плательщика ясака (т. е. трудоспособных мужчин), а в начале XVIII в. их было уже 125. Следовательно, всего насчитывалось 520 чуванцев⁵.

В конце XVII — начале XVIII в. чуванцы, как и юкагиры, широко привлекались к участию в военных походах русских служилых людей. На своих оленях они перевозили казенные грузы. В 1699 г. чуванцы и их ближайшие соседи ходынцы (возможно, брачные партнеры) участвовали в походе Атласова на Камчатку. Около 10% всех чуванских, юкагирских и ходынских женщин тогда уже жили вне своих племен и родов, так как стали женами или наложницами казаков либо промышленных людей⁶.

Небезынтересны данные о расселении чуванцев. Согласно исследованиям Б. О. Долгих, в XVII в. члены чуванского рода (племени) обитали главным образом в районе Шелагского мыса, а также нижнего и среднего течения р. Паляваам, в верховьях рек Амгуемы, Чауна (отметим, что юкагиры называют чуванцев «жители р. Чауна»), в верховьях Большого и Малого Анюев. В отдельных случаях чуванцы заходили в более южные районы и даже появлялись в заливе Креста⁷.

Широкое расселение чуванцев не являлось следствием острой нужды в пастбищах или охотничьих угодьях. Судя по ряду косвенных данных, подлинная

причина этого заключалась в нуждах посреднического обмена. В литературе по истории Чукотки уже высказывалось предположение, что юкагиры и чуванцы «издавна были посредниками в обмене чукчей с Югом и Юго-Западом» и «что через них осуществлялась связь с Охотским побережьем и Якутией»⁸. Разумеется, связь эта до прихода русских была крайне неустойчива. В XVII в. в обменах между русскими и чукчами судьба предоставила юкагирам и чуванцам особую посредническую роль. На протяжении длительного периода, с конца XVII в. до второй половины XVIII в., оленные и «сидячие» (оседлые) чукчи, остро нуждавшиеся в русских товарах, прежде всего в железных изделиях (орудия труда и охоты — наконечники стрел, копья, топоры, ножи и т. д.), не могли их приобрести «законно», т. е. купить у русских торговцев, промышленных или служилых людей, ибо одним из условий торговли было согласие на выплату ясака и выдачу аманатов. На это условие чукчи не соглашались. Юкагиры же и чуванцы, как ясачные плательщики, имели прямые связи с русскими и могли свободно приобретать (точнее, выменивать) нужные изделия у русских на пушнину.

Отмечу, что в это время в среде юкагиров, ходынцев и особенно чуванцев уже были потомки от смешанных браков с русскими, так называемые креолы, говорившие на родном и на русском, а также (это в данном случае важно) на чукотском языках. Они выступали как посредники при обменах, осваивая обширную зону между неясачными чукчами и населением, платившим ясак. В первой половине XVIII в. чуванцы превратились в крупных по тому времени посредников, занимавшихся обменом русских товаров, главным образом железных изделий, на пушнину. При этом нередко на посредников, сопровождавших предназначенные для обмена товары, совершались нападения, и тогда вместо обмена происходил грабёж. Так, один из документов XVIII в. — обширный реестр, составленный в 1754 г., свидетельствует о том, что чукчи разгромили юкагиров (происходивших, если верить этому документу, из чуванского и ходынского родов) на р. Налуче и захватили у них огромное количество железных изделий: топоры, сверла, пилы, ножи, стрелы, кольчуги, шишаки (шлемы), наконечники копий, кистени, а также утварь: медные и железные котлы, сковороды⁹. Вероятно, значительная часть захваченных изделий предназначалась для обмена на ценную пушнину (соболь, выдра, лисица и т. д.), интересовавшую русских торговцев и служилых людей. Можно предполагать, что в этот период на Чукотке возникла определенная система обмена типа чукотского «поворотничества». Во всяком случае, шел оживленный обмен между чуванцами и юкагирами, находившимися на стойбищах, и чукчами, причем обмен этот обогащал в какой-то мере обе стороны.

Следует отметить, что память об особой роли оленеводческо-охотничьей группы чуванцев как «подторговщиков» сохранялась еще в конце XVIII в. в низовьях Колымы. Так, в фольклорных рассказах колымских чукчей мирные отношения между чукчами и русскими приписывались посредничеству чуванцев¹⁰.

В середине XVIII в. главы чукотских и юкагирских стойбищ уже употребляли табак, чай, иногда использовали матерчатую одежду, прядево для сетей и т. д. Между чуванцами и русскими поддерживались и культурные связи. Так, в реестре 1754 г. упомянуты 25 чуванцев, из них 5 значились «новокрещеными». Обращение юкагиров и чуванцев в христианство в XVII—XVIII вв. также способствовало сближению их с русскими старожилыми, в том числе и смешанным в этническом отношении бракам.

Чуванцев и русских служилых людей сближали и совместные походы против неясачных чукчей. Характерен случай, относящийся к началу XVIII в.: во время восстания юкагиров против отряда казаков, возглавлявшегося Афанасием Петровым, чуванец Еремей Тугулаков «пал на служилого человека Якова Волокту и убить не дал, так как приходился родичем последнему»¹¹.

В 1740—1750-х годах чуванские и юкагирские стойбища подверглись массивным набегам чукчей. Видимо, в районах, осваивавшихся чукчами, в это время происходили какие-то крупные перемещения. Попытки анадырского гар-

низона силой оружия усмирить чукчей, нападавших на коряков и чуванцев (те и другие — ясачные плательщики), не увенчались успехом. В середине XVIII в. Анадырский острог превратился в крупный военный центр. Здесь, как уже упоминалось, был гарнизон (около 600 человек русских), а также семьи юкагиров и чуванцев. Крепость дорого обходилась казне и не приносила ожидаемой пользы. В 1764 г. по предложению командира Анадырской крепости во избежание «великочисленных казенных издержек» было решено ее упразднить¹². Однако само упразднение произошло в 1770 г. Коренное население — чуванцы и юкагиры переселились в Гижигу под защиту русского гарнизона.

В самом конце XVIII в. после установления мирных отношений с чукчами была сделана попытка восстановить поселение русских и чуванцев на Анадыре и по берегам Анадырского лимана. Артель купца Петра Баранова пыталась здесь занять прежние чуванские угодья, но вынуждена была уйти. Сюда стали переселяться также отдельные группы чуванцев и русских старожилов, привлеченные богатыми рыбными угодьями, в особенности возможностью добывать дикого оленя во время его ежегодных миграций через Анадырь и анадырские притоки. В 1840-х годах поселенцем по фамилии Марков было основано селение, получившее название Марково, где стали жить чуванцы и русские старожилы из Гижиги. Поселенцы-чуванцы унаследовали юкагирский тип хозяйства: рыболовство, охота на дикого оленя на переправах, применение в качестве транспортного средства ездовых собак. В конце XVIII — начале XIX в. быт чуванцев и их ближайших соседей из других марковских обществ отличался известным единством, хотя чуванцы и подразделялись на кочевых и оседлых.

По наблюдениям А. В. Олсуфьева (офицер-адыютант командующего войсками Приамурского военного округа), марковцы обычно в июне, когда ожидается ход красной рыбы, от которого зависит благосостояние всего хозяйственного года, перекочевывали из зимних жилищ в летние, расположенные вблизи рыбных тоней на расстоянии 20 верст от поселка. Перекочевка производилась на лодках. Высзжали всей семьей с собаками. Весь скарб складывался в амбары. Часть марковцев подражалась сопровождать несколько купеческих лодок, и они спускались вниз до устья Анадыря, где велась торговля с чукчами. Здесь же купцы принимали грузы, доставлявшиеся русским крейсером.

Летом жили на заимках крайне скудно, так как считали излишним затрачивать силы на строительство постоянного жилья. В связи с этим использовались и постройки типа якутской юрты. Наряду с меховой зимней одеждой чукотского типа чуванцы и другие марковцы носили и матерчатую. Значительное время весной и летом женщины-чуванки уделяли обработке оленьих шкур, изготовлению ровдуги (замши). Она шла на одежду и на продажу.

Имеющиеся в литературе материалы об особенностях быта чуванцев подтверждаются сообщениями наших информаторов из поселков Усть-Белая и Марково, согласно которым в домах и юртах чуванцев имелись печи (чувалы), деревянные кровати (уруны). Спали на перинах, покрытых постельным бельем. Для глаженья применялись каталки «вальки». В некоторых хозяйствах были семейные бани. Питались чуванцы главным образом рыбой и оленьим мясом с приправой из корней, собираемых (или добываемых из мышиных нор) в тундре. Обыденным блюдом была юкола (вяленая рыба), подогретая на костре. В зажиточных хозяйствах рыбу солили и квасили. Зимой полуразложившуюся квашеную рыбу доставали из ямы и варили, головки ели сырыми. Часть мяса забитых летом диких оленей сразу употребляли в пищу, часть вялили. Известным подспорьем осенью было мясо диких гусей, добытых летом во время линьки. Хлеб считали деликатесом и ели по праздникам. Чай использовали в больших количествах. Такая несложная пища и особенности быта резко выделяли чуванцев из среды пришлого русского населения, что прекрасно осознавали и сами чуванцы.

Своеобразием отличалась также духовная культура чуванцев и их ближайших соседей. Широко бытовал охотничий фольклор: рассказы о медведях и столкновениях с ними, о нападениях волков на людей, об эпидемиях бешенства,

поражавших лисиц, и т. д. Во всех этих рассказах действительные случаи сочетались с фольклорными сюжетами.

Заслуживают внимания также поучительные истории о тех, кто негуманно относился к зверю. Голодные годы в связи с сокращением хода дикого оленя через Анадырь объясняли тем, что обитатели «крепости» нарушили этические правила. Кто-то из пришельцев поймал «на воде» теленка-оленя, содрал с живого шкуру и выпустил в тундру. Теленок явился во время промысла и отогнал оленей. Широко известен был рассказ о том, что какие-то люди поймали большую рыбу, прокололи на спине дырку, протянули сквозь нее прядево, обрывки мережи и в таком виде отпустили в воду. На следующий год она вернулась и отомстила им: в прежде удачных для промысла местах поймать ничего не удалось.

Чуванцы хорошо знали своих соседей. Так, в своей среде они рассказывали об обычаях чукчей¹³. У чуванцев сохранялись, как отмечал А. В. Олсуфьев, казачьи песни, сказки и былины, «всюду давно забытые»¹⁴. Результатом позднего фольклорного заимствования явилась русская народная драматическая игра «Лодка». Это развлечение было заимствовано от камчатских казаков в XIX в. и бытовало в пос. Марково¹⁵.

Чуванцы старшего поколения до сих пор помнят немало старинных слов, употреблявшихся русскими старожилами: сендуха — тундра, уброчно — много снега, стаканчик — вид мужской и женской одежды, культы — обувь из нерпичьей кожи, сутуры — праздничные торбаза (якут.), обутки — торбаза из летних камусов, курма — кофта, бороδοхи — обувь из ровдуги, камендерва — орудие для выделки кожи, ерник — кусты ольхи, мольча — пускай, готовальник — игольница, пасквильница — сплетница, баить — говорить, Ягишна — Баба Яга, чудинка — леший, метляки — бабочки, пряженики — пироги, бурдук — бражка и др.

Свадьбы справлялись по русскому обряду. Перед свадьбой в доме невесты устраивали девичник, а в доме жениха — мальчишник. В качестве музыкальных инструментов использовались гармонь и самодельные балалайки.

Хоронили умерших согласно православному обычаю, но в гроб мужчине клали курево, а женщине — орудия для рукоделия. Следили за тем, чтобы на платье не было металлических предметов: булавок, пуговиц, украшений. Кочевые чуванцы, так же как и чукчи, верили, что умершие возрождаются в новорожденных. Поэтому при наречении имени новорожденному устраивали особое гадание — около костра подвешивали камень и называли имена умерших. Если при произнесении очередного имени камень покачивался, значит пришел именно этот человек, и младенца называли его именем. Такой же обряд был и у коряков.

Несмотря на то что все чуванцы считались православными (в домах у многих висели иконы и имелись религиозные книги), у них продолжали бытовать дохристианские верования. Некоторые чуванцы шаманили, «изгоняли» из большого злого духа.

Для понимания этнической истории чуванцев весьма важны данные об их расселении и численности. Для конца XIX в. такие данные содержит отчет А. В. Олсуфьева о поездке на Чукотку в 1893 г. В самом Маркове, главном поселке Анадырского округа, тогда проживало 340 жителей обоего пола — 41 дом¹⁶, на заимке Солдатово — 28 человек (3 дома), Оселкино — 13 (2 дома), на заимке Спиридоново — 16 (3 дома), в Ерополе — 52 (5 домов), в Крепости — 15 (2 дома), в Усть-Майне — 14 (1 дом), в Усть-Белой — 20 человек (3 дома). Таким образом, все население этого региона составляло около 500 человек.

Все поселки, разбросанные на огромной территории бассейна р. Анадырь и ее притоков, по мнению А. В. Олсуфьева, представляли собой единое целое и поддерживали друг с другом связь: «Все живут одной жизнью, все знают друг друга и часто видятся между собой, все не знают другого языка кроме русского. Наконец, все приписаны к марковским обществам»¹⁷.

Общественное устройство чуванцев описал в общих чертах Г. Дьячков. «Чуванцы, — сообщал он, — подразделяются на три рода: чуванцев, ходынцев и коряков». Последние два рода «присоединены к ним по их малочисленности»¹⁸. Как «ясачные инородцы», население бассейна р. Анадырь входило в пять податных обществ. Наиболее крупным было Чуванское — 256 душ. Остальные общества были небольшими: Ламутское — 39 душ, мещанское — 34, крестьянское — 12 душ¹⁹. Так как численность некоторых обществ очень сократилась, чуванский князец (так его называло население, а официально — староста) подал прошение о причислении к чуванцам отдельных семей колымских юкагиров. Судя по этим данным, можно полагать, что чуванское общество представляло собой в конце XIX в. сложное образование, состоявшее из разных этнических компонентов.

Об этническом составе чуванцев в последние десятилетия XIX в. позволяют судить и обнаруженные автором настоящей статьи подлинные метрические книги Анадырской церкви²⁰. Они составлялись уже после прекращения чукотско-корякских междоусобиц и содержат немало сведений по истории чуванцев. В этих книгах в разделе «О бракосочетающихся» приводятся данные об этнической принадлежности женихов и невест, а также их возрасте. Крещеные анадырские чуванцы вступали в браки с эвенгами (ламутами) разных родов, с юкагирами (колымчанами), гижигинскими мещанами и сами отдавали своих дочерей в жены соседям из разных обществ. Так, в 1882 г. было зафиксировано 10 браков, в том числе с участием чуванцев два. Чуванец Лука Дьячков взял в жены ламутскую девицу Гликерию, юкагир Вологодин женился на чуванке Агафье Медучиной. Остальные восемь браков были заключены юкагирами и ламутами, видимо, с учетом правил экзогамии. Ламуты 1-го и 2-го Дельянского «родов», а также Долганского рода брали жен из соседних инородческих общин.

В 1883 г. был зафиксирован 21 брак, в том числе 3 однонациональных чуванских, 6 смешанных (чуванско-чукотских, чуванско-тунгусских и др.). Всего в этих браках участвовало 11 чуванцев. Так, чуванец Василий Шитиков женился на тунгусской девице Марфе Ермачковой, юкагир Семен Каймаков — на чуванке Дьячковой, чуванец Стефан Федорович Дьячков — на чуванской девице Ульяне Константиновне Алиной. Из этих записей можно сделать вывод, что чуванцы не всегда соблюдали экзогамию. Чуванцы Кобелевы (оленные) также заключали браки не только в своей среде: чуванец Иван Павлович Кобелев женился на чуванке Парасковье Кобелевой, чуванец Алексей Кобелев — на чукотской девице Матрене Этувдиной; чуванец Михаил Николаевич Кобелев — на чукотской девице Мавре Утгеут; чуванец Иосиф Ефимович Дьячков — на чуванке Улите Дьячковой; юкагир Павел Магонин — на русской, дочери исправника Ирине Верещагиной; ламут 1-го Дельянского рода Василий Михайлович Дьячков — на чуванской девице Анне Михайловне Кобелевой.

В книге за 1884 г. имеется запись о том, что трое кочевых чуванцев по фамилии Кобелсы взяли в жены кочевых чуванок под этой же фамилией. Таким образом, в брачные партнеры оседлых чуванцев и их соседей включались ламуты двух Дельянских и Долганского родов, юкагиры (колымские), отдельные семьи оседлых чукчей, кочевых чуванцев (реже русские). На основании этих данных можно заключить, что коренное русскоязычное население бассейна р. Анадырь представляло собой известное единство. Многие чуванцы находились между собой в родстве и свойстве.

В целом для коренного населения бассейна р. Анадырь характерна, судя по метрическим книгам, четко выраженная локальная эндогамия²¹. Однако в XIX в. обитатели его отличались не только эндогамией, но и самосознанием, самоназванием, определенным культурным и языковым единством. Это позволяет предполагать, что они представляли собой складывающуюся этническую общность.

Известное влияние в XIX в. на чуванскую этническую общность оказали

приезжие русские казаки, крестьяне и, видимо, духовенство, а также наличие церковно-приходской школы в пос. Марково, хотя успехами в распространении грамотности она не отличалась. Сказывалось на всем протяжении XVIII—XIX вв. и взаимодействие чуванцев с ближайшими соседями — эвенгами (ламутами), чукчами-оленеводами и др.

Об устойчивости чуванской этнической общности свидетельствуют данные переписей. Так, Всероссийская перепись 1897 г. выявила 136 мужчин и 65 женщин русскоязычных чуванцев и 215 мужчин и 91 женщину «бродячих» чуванцев, т. е. 351 мужчину и 156 женщин, всего 507 человек²². По тому времени это было значительное этническое образование. Заслуживают внимания данные Похозяйственной переписи 1926—1927 гг. Этой переписью было выявлено 707 чуванцев. Оседлые составляли 55%, кочевые — 45%²³.

В связи с тем что еще в XIX в., как отмечалось выше, чуванцы перешли на русский язык, они как особая этническая группа послевоенными переписями не выделялись. Переписью 1959 г. чуванцы, видимо, были включены в графу чукчей и русских. Всего этой переписью было выделено 248 мужчин и 286 женщин чукчей с родным русским языком, но в это время чукчи еще не владели русским языком так хорошо, во всяком случае, не считали его родным. Очевидно, русскоязычные чукчи — это чуванцы-марковцы. Как сообщил В. В. Леонтьев, посетивший в 1960-х годах чуванцев, они тогда еще делились на оседлых (речных) и кочевых. Среди последних были и чукчезычные. Такие чуванцы жили в поселках Снежное, Еропол и Чуванское. Материалы наших экспедиций (1960-е и 1980-е годы) подтверждают эти данные. Всесоюзная перепись населения 1989 г. выявила 944 чуванца. Большая часть их проживает в пос. Марково²⁴. Таким образом, данные переписей свидетельствуют о численном росте этой народности. Некоторые семьи чуванцев, продолжая, видимо, давнюю традицию, занимаются оленеводством и охотой.

В поселках, на центральных усадьбах совхозов, где трудятся чуванцы, теперь ведется современное жилищное строительство, открыты средние школы, интернаты, детские сады-ясли, больницы, дома культуры, библиотеки. В быт населения вошло телевидение, кино.

В целом чуванцы, как и другие народы Чукотки, вписались в современную жизнь региона.

Знаменательно, что в настоящее время чуванцы, как и другие малочисленные народы Чукотки, интересуются вопросами своего этнического происхождения, своей историей и традиционной культурой. Признавая древние связи с чукчами, равно как и с русскими старожилками, чуванцы называют себя «местными», или коренными, жителями и на этом основании противопоставляют себя пришлому, в основном русскому и украинскому населению. В движении за права коренного населения чуванцы отличаются высокой социальной активностью. При этом взаимоотношения между чуванским и пришлым населением не имеют конфликтного характера и в целом благоприятны.

Опросы, проведенные участниками Северной экспедиции Института этнологии и антропологии АН СССР в 1990 г., показали, что чуванцы осознают себя особым северным народом и, в частности, считают справедливым включение их в список народов Севера, на которые распространяется ряд льгот. Следует отметить, что чуванцы, несмотря на малочисленность, принимали активное участие во всех делах региона — в проведении районирования, коллективизации, в школьном строительстве и т. д. Этому способствовало и то, что помимо родного русского языка многие из них владели разговорным чукотским языком. В 1930-х годах чуванцы, получившие образование в церковно-приходской школе, широко использовали свои знания для разъяснения населению Чукотского округа сущности советских мероприятий. Некоторые из них работали председателями и секретарями сельсоветов, участвовали в землеустроительных экспедициях. Особенно населению Чукотки запомнилась деятельность чуванцев в качестве помощников учителей. В чукотских школах и

интернатах они переводили учащимся слова приезжих учителей, не владевших чукотским языком, и соответственно переводили на русский ответы учащихся. Чуванцы неоднократно избирались в руководящие советские и партийные органы Чукотского округа²⁵. И в настоящее время чуванцы активно участвуют в жизни Чукотского региона.

* * *

Таким образом, на протяжении трех столетий, как свидетельствуют письменные источники и этнографические данные, малочисленная этническая общность чуванцы прошла сложный и трудный путь этнического развития. Она включила в свой состав отдельные семьи соседей и утратила много своих традиционных особенностей в хозяйстве и культуре, в том числе и родной язык, заменив его русским, но сохранила память о своем историческом прошлом и представлении о себе как об определенном этническом единстве, отличающемся от других народов и этнических общностей Северо-Востока Сибири.

Примечания

¹ О чуванцах см.: Анадырский край. Рукопись жителя с. Марково Г. Дьячкова (далее — Дьячков Г.). Владивосток, 1893; Майдель Г. Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах. Т. 1. СПб., 1894; Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи и ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896; Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М., Л., 1965; Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966; Туголуков В. А. Поездка к чуванцам//Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР. 1974. М., 1975. С. 180—189.

² Оглоблин Н. Семен Дежнев//Журнал Министерства народного просвещения [СПб]. 1890. Ч. 272. С. 303—304.

³ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М., Л., 1952.

⁴ Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири//Сибирский этнографический сборник. II (Тр. Ин-та этнографии АН СССР — далее ТИЭ. Т. XXXV). М., Л., 1957.

⁵ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // ТИЭ. Т. LV. М., 1960. С. 426, 427. По Б. О. Долгих, для определения общей численности группы применяется коэффициент 4 (число плательщиков ясака умножается на четыре), см. с. 13.

⁶ Там же. С. 440.

⁷ Там же. С. 436.

⁸ История и культура чукчей. Л., 1987. С. 50.

⁹ Гурвич И. С. Юагиры чуванского рода в середине XVIII в.//ТИЭ. Т. XXXV. С. 250—262.

¹⁰ Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Т. I. Образцы народной словесности. СПб., 1900. С. XXVII.

¹¹ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Л., 1935. С. 26.

¹² Вдовин И. С. Анадырский острог//Краеведческие записки. Вып. II. Магадан, 1959. С. 20—26.

¹³ Дьячков Г. Указ. раб. С. 17—26.

¹⁴ Олсуфьев А. В. Указ. раб. С. 73, 82, 88 и др.

¹⁵ Савоскул С. С. Русская народная драма «Людка»//Сов. этнография (далее — СЭ). 1982.

№ 5.

¹⁶ Олсуфьев А. В. Указ. раб. С. 144.

¹⁷ Там же. С. 30.

¹⁸ Дьячков Г. Указ. раб. С. 65—66.

¹⁹ Там же.

²⁰ Анадырский окружной архив ЗАГСа. № 17. Метрические книги Камчатской духовной консистории за 1882—1898 гг.

²¹ Вопрос о роли этнической эндогамии как этнического стабилизатора в свое время подробно рассмотрел Ю. В. Бромлей. К этой же теме неоднократно обращалась З. П. Соколова, показав на примере обских угров значение этого явления в становлении этнических групп и эндогамных ареалов. См.: Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия//СЭ. 1969. № 6. С. 84—91; *его же*. Характеристики понятия «этнос»//Расы и народы. Вып. 1. 1971. М., 1971. С. 9—31; *его же*. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 390 и др.; Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов//Общественный строй у народов северной Сибири. М., 1961; *ее же*. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп обских угров//Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1970; *ее же*. Эндогамный ареал и этническая группа. М., 1990.

²² Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения

Сибири, язык и роды инородцев//Зап. РГО. Отд-ние статистики. Т. 9. Вып. 3. СПб., 1912. С. 888—889.

²³ Терлецкий П. Е. Население Крайнего Севера Сибири. Л., 1932. С. 18—19.

²⁴ Всесоюзная перепись населения 1989 г. М., 1990.

²⁵ Советы Северо-Востока СССР. Магадан, 1979. С. 31—211.

Chuvantsy

Chuvantsy — are one of the smallest ethnic groups in Siberia. According to archive data and author's field materials this group is characterized by ethnic endogamy, self-name, ethnic self-identification, language unity. In our days Chuvantsy almost completely lost the ethnocultural traits of their own, became Russian-speaking, but separate themselves from other surrounding ethnoses.

I. S. Gurvich